

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель книги состояла в том, чтобы проследить ареалы и ориентировочно определить время распространения нескольких десятков образов и сюжетов, связанных с интерпретацией объектов ночного неба. Некоторые из выводов весьма предположительны, другие придется корректировать по мере появления нового материала. Все это нормальный (вспомним Т. Куна) научный процесс. Однако для автора не менее важным было отстаивать определенную парадигму в интерпретации фактов культуры. Развитие культуры, как и любой системы, основанной на репликации и естественном отборе, непредсказуемо, так что единственная универсальная тенденция в данном процессе — это рост сложности и разнообразия. Фольклор и мифология представляют собой идеальный материал, на котором удастся показать, что системы, не обменивающиеся между собой информацией, начинают развиваться в разных направлениях. Вряд ли можно объяснить, почему обитатели одной части мира рассказывали все более разнообразные истории про лунные пятна и звезды, а обитатели другой — про взаимоотношения людей в общине первопредков. Моя задача состояла в том, чтобы показать, что подобные различия существуют.

Картографирование элементов культуры вообще и анализ массового материала, отражающего их ареальное распределение в частности, можно осуществлять в разном масштабе. Изучение космоимии в пределах небольшой историко-культурной области столь же значимо для историка, сколь и сравнение материалов Азии и Америки, разница лишь в том, о каких эпохах идет речь. Чем ближе к нам во времени реконструируемые процессы, тем подробнее и точнее должна быть соответствующая база данных. Обращение к материалу в глобальном масштабе имеет то преимущество, что лакуны в данных, порою огромные, здесь не критичны для обоснования основных выводов.

В книге я попытался наметить ход развития представлений о ночном небе от их зарождения у наших африканских предков

до становления и развития регионально специфичных космологических представлений.

Учитывая данные, приведенные в первой главе и, в частности, африканско-австралийские параллели касательно интерпретации Плеяд и Ориона, можно предполагать, что ранее 50 тыс. л.н. какие-то мифопоэтические представления об астральных объектах уже возникли. Считать эту гипотезу доказанной невозможно, но ее вероятность не столь уж мала.

Гораздо надежнее основания для реконструкции той совокупности представлений, которую удобно называть индо-тихоокеанским комплексом. Относящиеся к ней образы и сюжеты, вероятно, сформировались в пределах индо-тихоокеанской окраины Азии после ее заселения людьми современного типа, но до начала миграций в Америку. На это указывает отсутствие или крайняя редкость параллелей в Африке при их наличии в Новом Свете, в том числе или даже преимущественно в Южной Америке. Речь идет главным образом об интерпретации Млечного Пути (река, змей, дорога душ в иной мир) и лунных пятен (кролик и лягушка). В глубинах Евразии аналогий для данного космономического комплекса почти нет, но иногда они обнаруживаются в Европе, в основном западнее Днепра. Число этих азиатско-европейских параллелей невелико, поэтому исключать независимое появления одинаковых вариантов нельзя. Но если сходство все же имеет исторические причины, его можно рассматривать как наследие раннего состояния, которое в Северной и Центральной Евразии было почти полностью вытеснено инновациями. Инновации же могли быть спровоцированы изменениями природной среды в эпоху ледникового максимума.

Если на начальном этапе заселения Америки туда были принесены образы и сюжеты, характерные для Восточной и Юго-Восточной Азии, то с определенного времени в Северную Америку начинают попадать мотивы сибирского происхождения. Речь должна идти о периоде, когда Лаврентийский и Кордильерский ледниковые щиты еще не растаяли, но проход между ними уже открылся и в любом случае проникновение вглубь североамериканского материка сибирских популяций через начинавшую уходить под воду Берингию больше не представляло серьезной пробле-

мы. В абсолютных датах открытие Коридора Маккензи произошло примерно 13 кал. тыс. л.н. [Heintzman et al. 2016; Pedersen et al. 2016]. Логично предполагать, что как в Азии, так и в Северной Америке те мотивы, которые попали в Новый Свет раньше, должны быть локализованы дальше от Берингова пролива, чем те, которые оказались принесены позже. Завершающую стадию этого процесса демонстрирует эскимосско-чукотский континуум, отражающий исторические процессы последних тысячелетий.

Большая часть характерных для Сибири космонимических мотивов имеет в Северной Америке параллели, иногда яркие и широко распространенные (в частности, варианты мифа о космической охоте и истолкование звезд Большой Медведицы как группы персонажей), а иногда редкие и встречающиеся лишь на американском северо-западе и у алгонкинов области Великих Озер (таков образ «лунной водоноши»). О времени первоначального формирования данных мотивов в Старом Свете, как и вообще о фольклоре и мифологии Северной Евразии, ранее ледникового максимума судить невозможно.

Особый интерес представляет распространение некоторых азиатских мотивов в лесной зоне Восточной Европы и в Циркумбалтийском регионе. «Лунная водоноша» и Млечный Путь как дорога птиц характерны именно для этого комплекса представлений. Наличие данных мотивов на Дальнем Востоке и в Северной Америке заставляет предполагать их распространение с востока на запад, а не наоборот, а отсутствие корреляции с существующими языковыми семьями позволяет относить этот процесс к эпохе до их формирования. Если космонимические связи Среднего Поволжья и Восточной Прибалтики вполне ожидаемы, то наличие образа Плеяд как сита еще и у различных народов Дагестана (но не в других районах Кавказа) объяснения пока не находит.

В период среднего и позднего голоцена ни в Сибири, ни в Америке существенных инноваций в области космонимии не заметно, но на западе Евразии ситуация совершенно иная. Известная нам по этнографическим и историческим данным космонимия Передней Азии и особенно Европы в основном отражает культурные реалии даже не неолита, а эпохи бронзы и еще более поздних периодов. Многое появилось здесь в связи с распространением

мировых религий, хотя, наверное, эти новые образы развились на какой-то более ранней основе. Два вопроса пока далеки от разрешения. Один — это время и пути распространения образа Большой Медведицы как колесной повозки (проник ли этот образ в Центральную и Северную Европу лишь в эпоху античности или же раньше и как он попал в Китай и Монголию). Второй вопрос — трансевразийские параллели, касающиеся интерпретации Большой Медведицы или Ориона как плуга (возникли ли существующие варианты в Передней Азии, Европе или Юго-Восточной Азии, когда и в каком направлении распространялись).

Космонимия Европы поразительно богата, особенно в пределах балкано-карпатской зоны, и дело здесь не только в обилии источников. Данные по космонимии отражают уникальное положение Европы как региона, который в силу географических и исторических причин на протяжении тысячелетий сохранил гораздо большее культурное разнообразие, чем любая другая сопоставимая по территории область мира.